

Издание Херсонского Кафедрального собора Сретения Господня. Публикуемый ниже материал представляет собою подборку из проповедей и телепрограмм отца Иоанна Замаряева, а так же выдержки из богословских работ и выступлений выдающихся христианских мыслителей

30.10.11

Ведмица №11

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Сегодня День Библии

Библии можно много говорить похвальных слов. Но, по всей видимости, будет правильнее просто открыть ее и почитать. Вот давайте сейчас возьмем, так и сделаем. Причем, прочитывать строки будем не так, как часто делаем – пробежали глазами и пошли дальше, а внимательно, вдумчиво, останавливаясь на каждом слове.

Откроем, к примеру, 4-ю Книгу Царств и освежим в памяти, ну вот, скажем, историю из жизни пророка Елисея. Помните такого? В 5-й главе 4-ой Книги Царств, есть там такая история. Большинство из вас ее помнят, уже читали. Другой вопрос: как читали?

Ну, главные действующие герои этой истории, как Вы, наверное, помните – это пророк Елисей и Нееман. Елисей – это израильтянин, а Нееман – сириец из вражеской Израильской страны (Сирия была той страной, которая постоянно воевала с Израилем).

Нееман в этой вражеской стране занимает весьма и весьма высокое место. Фактически, он был вторым лицом в стране после сирийского царя. О нем говорится: «Нееман, военачальник царя сирийского, был великий человек у господина своего, уважаемый, потому что через него Господь дал победу сирийцам». Победу **над Израилем**, между прочим! Библейский повествователь это смиренно констатирует.

Так вот Нееман – верховный главнокомандующий, яркая, сильная личность. Но вот он заболел, и ничем иным, как проказой. И дальше повествуется история его чудесного исцеления.

Итак, начинаем с Вами рассуждать. Неман. Человек чужой израильтянам, следовательно, и пророку Елисею. Враг религиозный, потому что язычник. И враг военный, причем, **опасный** враг. Главнокомандующий сирийской армии. И вот, он заболевает проказой. А для древнего сознания болезнь означала ничто иное, как Божье наказание за грехи. Это считалось знаком – вот этот человек наказан Богом.

Дальше упоминается, что во время одного из военных походов, отряды сирийских войск взяли в плен из земли Израильской маленькую девочку. Ну, понятно, что шли не за маленькой девочкой, это – обычные набеги, и, конечно, угнали **много** пленников. Но именно эту маленькую девочку, как трофей, Нееман взял себе в семью – отдал своей жене, чтобы девочка ей служила. Ну,

девочка, наверное, была не очень маленькая, скорее, подросток, иначе, будь она совсем ребенком, какой из нее работник?

Далее, нужно обратить внимание на некую духовную неординарность Неемана, его открытость и способность верить. Девочка говорит госпоже своей, то есть жене Неемана: «О, если бы господин мой побывал у пророка, который в Самарии, тот снял бы с него проказу его!». Это заявление пленной девочки, в общем, вещь немислимая. Так не бывает. Исцелить проказу? Какой-то пророк? Вещь совершенно невероятная! Тем более – от кого это он слышит? От какой-то девочки, которая, неизвестно, как к нему относится. Вряд ли она пылает любовью к нему и желает добра за его порабощение.

Но Нееман прислушивается к этим словам девочки и принимает их всерьез. Оно где-то и понятно, когда болит, человек готов на что угодно. Значит, проказа его мучила. Может еще не очень, потому что это было только в начальной форме. Бывают очень тяжелые формы проказы – но это уже на последней стадии – куски плоти отваливаются, и, понятно, что если бы он был **настолько** болен, то не мог бы выполнять обязанности главнокомандующего. Но проказа в любой стадии – вещь мучительная, и значит, он всеми силами стремится исцелиться. И он, государственный деятель, опытный воин верит простой девочке, своей пленнице, которая мало ли что может напелсти в ее положении! Поверил он этой чужеземке всерьез, и эта вера его толкает к действию. Он рискует идти к царю. Рискует, потому что реакция царя могла быть непредсказуемой. Дескать, **с мозгами уже не в порядке у военачальника** – стал женским сплетням верить! По-нашему – «Пиши прошение об отставке, мне сумасшедшие полководцы не нужны». Но он **идет** на этот шаг.

И что еще важно, в беседе с царем он ничего не приукрашивает. Он не говорит царю, что, дескать, известно из достоверных источников. Он говорит правду, что: так, мол, и так, девочка, которая из земли Израильской, говорит, что у нее на родине есть пророк, который лечит... Ну, не убедительно все это!

И, тем не менее, сирийский царь выслушал Неемана и дал согласие. Но как человек государственный и политик, восточный политик, решил воспользоваться данной ситуацией и сплести интригу, которую мы увидим далее. «Пойди, – говорит сирийский царь Нееману, – а я пошлю письмо к царю израильскому». На самом деле, интересное письмо он написал.

И вот, Неман отправляется в дальнюю дорогу. Путь неблизкий. Естественно, он направляется в столицу царства. Как человек государственный, он не может сразу спрашивать: «А где тут живет пророк?». Он должен сначала явиться к царю – сейчас войны нет. А если он во дворец не явится, это будет расценено, просто как разведка или как агрессия. Еще понятно также, что такой человек один идти не может – с ним идет целый отряд, караван. Стража, провиант, так как они на самообеспечении весь путь, телеги там, и так далее. То есть, это всё катится очень медленно. И не только потому, что это тяжело груженный отряд, но и потому, что если идти быстро, это могут воспринять как нашествие. Они **ДОЛЖНЫ** ид-

ти медленно, обязаны просто, - тогда ясно, что это идет посольство, или что-то в этом духе. Посольство никогда быстро не передвигалось, - как раз из этих соображений, чтобы не было подозрения, что это какой-то авангард воинского отряда.

А везут они с собой, как можно прочесть в Библии: «шесть тысяч сиклей золота, десять талантов серебра...» - это огромный вес. Неважно даже, сколько это в денежном исчислении, важно, что это - большой вес. И «десять перемен одежд» - то есть, полный комплект. Десять перемен одежд - это полный гардероб, всё, что человеку надо на разные случаи жизни: зимние, летние одежды, для пира, брачные одежды, платья для выхода к царю... Вот весь этот комплект на языке Библии называется «перемена одежд».

И вот караван выезжает в столицу и подкатывает к царскому дворцу. Нееман кланяется светлейшему и вручает ему письмо. А там, оказывается, написано следующее: «Вместе с этим письмом я посылаю к тебе Неемана, слугу моего, чтоб ты снял с него проказу». Дипломатическая почта, официальный документ, - их много встречается в Писании, они цитируются, и стиль их чувствуется даже в переводе. Вот так и здесь: вот письмо, а к нему, мол, прилагается человек.

Царь израильский, прочитав письмо, разорвал свои одежды и совершенно верно высказался: «Разве я Бог, чтобы умерщвлять и оживлять, что он посылает ко мне, чтобы я снял проказу? Вот, теперь знайте и смотрите, что царь Сирии ищет предлога враждовать против меня». То есть израильский государь рассуждает вполне здраво, да, собственно, в письме это и было озвучено - сирийский царь действительно искал повод для ссоры. Он просто воспользовался случаем: у простофили-генерала беда, ну что тут сделаешь, надо воспользоваться... - очень умело выстроенная политическая интрига. Снимет проказу израильский царь - хорошо, не снимет (что, скорее всего, 99 процентов из 100), будет повод пойти воевать: мол, не уважил ты моей просьбы. И израильский царь это прекрасно прочитывает, и прекрасно понимает. «Разве я Бог?!» - восклицает царь Израиля. Этот его жест - раздираение своей одежды - это выражение ужаса, кстати сказать, ритуальный жест. Значит, царь сирийский ищет повода к войне. Но Нееман-то здесь не причём!

И «услышал Елисей, человек Божий, что царь Израильский разодрал одежды свои...»

Опять же, надо понимать, что действие происходит в столице Самарии, а человек Божий живет в другом месте, на севере, на горе Кармил. И нужно время, пока до него этот слух доходит. Несколько недель, а может быть, и месяцев, длится вся эта история. «И послал Елисей сказать царю...» - опять же, требуется время, чтобы добраться от Кармила к столице Самарии - «...пусть придет ко мне прокаженный и узнает, что **есть** пророк в Израиле».

Понятно, что царь израильский хватается за это, как за последнюю возможность: действительно, надо попробовать, потому что, а вдруг пророк снимет проказу - и тогда, слава Богу, войны не будет, а не снимет - ну, хуже, во всяком случае, уже быть не может. А как по-другому рассуждать?

И вот, прибывает Нееман на лошадях своих, на колеснице, и останавливается у входа в дом Елисея. И «выслал к нему Елисей слугу, сказать...» - сам пророк не выходит. Почему? Вот опять же, нужно учиться задавать вопросы библейскому тексту и себе. Почему? Потому, во-первых, что Нееман - прокаженный, следовательно, он нечист. Не в смысле заразы, а ритуально нечист, по иудейским законам. Каждый, кто с ним вступает в контакт, становится сам нечистым. Ну, всего лишь до вечера..., но неважно, пророк не может быть нечистым.

Кроме того, он человек, который Бога Живого не чтит, а чтит каких-то там сирийских языческих божков, как бы они ни назывались, то есть, общаться с ним совсем уж не пристало человеку Божьему. Поэтому он сам не выходит, а посылает слугу. **Каждый** жест в Библии значим.

И говорит слуга Нееману: «Пойди, омойся семь раз в Иордане, и обновится тело твое, и будешь чист». Это звучит совершенно невероятно, неправдоподобно и издевательски. Это все равно, если бы к врачу обратился человек с серьезным онкологическим заболеванием, а он ему сказал - иди, покупайся в Днепре. И мы видим реакцию Неемана: тот начинает гневаться.

Он-то ожидал, как любой нормальный язычник, что совершится что-то такое серьезное, впечатляющее. Пророк величественно воздвигнет над ним руки, произнесет какие-то молитвы, заклинания, нужно будет съесть какую-нибудь сверхъестественную гадость, или еще что-нибудь сделать. Всё это было бы для него понятно и нормально. Поэтому Нееман говорит: «Вот, я думал, что он выйдет, станет, и призовет имя Господа, Бога своего, и возложит руку свою на то место, и снимет проказу...» - из этого видно, у него пока локальная проказа. То есть Нееман представляет эффектную сцену исцеления: выходит пророк, воздевает руки, в общем, всё должно быть красиво. Ан нет. «Разве Авана и Фарфар - реки дамасские, не лучше всех вод израильских? Разве я не мог бы омыться в них и очиститься?». Разумеется, лучше. Нееман говорит всё абсолютно верно. Дело-то не в том, чтобы просто пойти помыться - что он, никогда не мылся, что ли? В том числе и в реках.

«И оборотился, Нееман и удалился во гнев». Гнев его совершенно естественный. Но здесь «пошли рабы его, и говорили ему, и сказали: отец мой...» Вот тут опять же слова «рабы» в сочетании с обращением «отец мой» не должны нас вводить в смущение. «Рабы» - это значит его подчиненные, скорее всего, офицеры. А «отец мой» - это обычное обращение в армии младшего к старшему в те времена. Вряд ли это рядовые, это, скорее всего, старшие офицеры, которые были при нем. Но все, кто младше - они все именуется рабами. Не в узком смысле слова, а в широком, как подчиненные люди. Это такой язык.

«Отец мой, если бы что-нибудь важное сказал тебе пророк, то не сделал ли бы ты?» (то есть что-нибудь такое трудное, но эффективное), «...а тем более, когда он сказал тебе только: омойся и будешь чист». Простые слова, говорятся они подчиненными, то есть людьми младшими, а это армия, а в армии действует знаменитый принцип: «я начальник - значит, ты, ну - ничего не

знаешь». Этот принцип действовал всегда и во всех армиях. Но тут мы видим удивительного человека, который слышит и слушает подчиненных, откликается на разумный совет.

Как можно наблюдать - несколькими словами, словно отдельными, резкими движениями кисти, живописуется характер этого Неемана. Он не только разумный человек, не только человек, который готов уверовать, - он, оказывается, еще и человек, близкий к смирению. Потому что услышать совет подчиненных и принять его - для начальника непросто, тем более, уже после того, как он только что во гневе прокричал такие вот слова, справедливые, надо сказать.

«И пошел он, и окунулся в Иордане семь раз, по слову человека Божия, и обновилось тело его, как тело малого ребенка, и очистился он». Как тело малого ребенка. У младенцев удивительная кожа. Она даже благоухает. Между прочим, древние были уверены, и в этом, наверное, есть какой-то смысл, что существует какая-то связь между духовным миром человека, вернее, его святостью или греховностью, и состоянием его кожи. Дети, например, которые только родились и не успели еще нагрешить, - у них кожа совершенно поразительная! А вот кожа человека, который живет, скажем деликатно, неправедной жизнью, - она может быть ужасной. Ну, понятно, всё это не совсем так. Сегодня **косметика** играет большую роль, и наоборот, есть кожные болезни. Но вы знаете, какая-то, пусть малая доля правды в этом, всё же, есть. Ну, кто-нибудь из вас, может быть, видел, скажем, старых монахинь, которые живут чистой и праведной жизнью? Совершенно другие лица. И кожа - совершенно не такая.

Так вот, у Неемана обновляется кожа. И коль это происходит, коль у него кожа становится, как у малого ребенка, это означает, что он не просто излечился от ужасного заболевания. Это значит, что каким-то поразительным образом ему простились грехи. И Писание намекает нам на это.

А дальше - нетипичная реакция этого человека. Представьте себе все это географически: он идет из Самарии, которая в центре Израиля, идет вдруг на северо-запад, на Кармил, потом идет в совершенно обратную сторону, еще южнее Самарии, на юго-восток, там, где Иордан, - это всё длинный путь. Здесь он получает исцеление, ну и дальше нормальному человеку естественно пойти домой. Что еще надо? За чем ходил, то и получил. Но Нееман поворачивает и идет назад, на гору Кармил. Зачем? Благодарить. Помните: «Не десять ли очистились - где же девять?». Он оказался из числа не девяти, а того, который вернулся благодарить.

Писание очень тонко, очень точно нам показывает, как в этом человеке происходит рост веры. И дело не в антураже, не в том, что вот проказа снялась, такие случаи - они и в законе предусмотрены. Самое интересное происходит в глубине его души. В этом человеке растет вера, и главный признак этой веры - это, конечно, благодарность. Он идет благодарить пророка. И пророк это понимает. Посмотрите: «...возвратился Нееман к человеку Божию, он и все сопровождавшие его...» - ну, сопровождавшие - по естественным причинам, они же подчиненные люди. «...И пришел, и стал пред Елисе-

ем...» - уже не перед слугой пророка. Значит, к Нееману человек Божий уже выходит сам. Почему? Потому, что Нееман выздоровел? Да нет, конечно. И не потому, что он уже ритуально чист. А потому, что на это движение души в сторону веры нельзя не отреагировать, это было бы преступлением. Если бы пророк не вышел, он бы страшно согрешил перед Богом.

«И сказал (Нееман): вот, я узнал, что на всей земле нет Бога, как только у Израиля...» А эти слова, это ни что иное, как исповедание веры. Нееман свидетельствует, что он уже признает Единого Бога. И далее говорит: «Итак, прими дар от раба твоего». Это дар, а не плата за исцеление. «И сказал Елисей: жив Господь, пред лицом Которого стою! Не приму». Почему Елисей не принимает дар Неемана? Это интересная загадка.

Если бы Елисей не был пророком и не видел, что происходит в сердце Неемана, то, наверное, он не рискнул бы обидеть благодарного исцеленного. Вы, наверное, знаете, что на Востоке отказаться принять дар - это страшное оскорбление. После этого тот, кому ты отказал - твой кровный и смертный враг. Вот так устроена восточная психология и весь Восток: и Израиль, и Сирия, и Кавказ... Сейчас, может быть, всё это ослабло, но традиционно это именно так. Это оскорбление чудовищное. Но пророк знал, что бывший язычник выше этих условностей и способен на большее.

И говорит Нееман Елисею: «Если уже не так, то пусть мне, рабу твоему, дадут земли, сколько снесут два лошака, потому что не будет впредь раб твой приносить всеожжения и жертвы другим богам, кроме Господа». Иными словами - «земля, на которой тут я стою...». Зачем ему эта земля нужна? Что, в Дамаске нет земли плодородной, - да сколько угодно! Нет, тем самым он говорит: «...это земля святая». «Земля, на которой ты служишь Господу - святая». Нееман - человек подневольный, он должен вернуться назад к царю, тут никуда не денешься. Так и война может начаться, если он тут останется, и допустить этого нельзя, к тому же, у него семья, он человек ответственный, но жертвы истинному Богу он хочет приносить на святой земле. И это его стремление говорит о многом.

И дальше Нееман продолжает говорить: «Только вот в чём да простит Господь раба твоего... не «ты простишь», а «Господь простит». Еще один шаг, следующий, по пути веры. «Когда пойдет господин мой, т.е. царь Сирии в дом Риммона... (ну, это явно какой-то местный бог, неважно какой) ... для поклонения там, и упрется на руку мою, и поклонюсь я в доме Риммона, то за моё поклонение в доме Риммона да простит Господь раба твоего в случае этом». Это уже что-то уже совсем неслыханное. Перед нами человек, уже не только исполненный веры - он исполнен разума. Он понимает, что ему предстоит. Он - человек государственный. При дворе есть определенный церемониал, когда входят в языческий храм, святилище, капище, как его называют, и царь должен опираться на руку своего главнокомандующего. Царь кланяется перед статуей, естественно главнокомандующий не может не поклониться. И Нееман говорит: это не потому, что я хочу ему кланяться, это, так ска-

зять, служебная необходимость, пусть Бог меня в этом случае простит, потому что это не по моему желанию, не по моей ложной вере. То есть, он проявляет удивительную серьезность и трезвость. Он уже смотрит вперед и все возможные ситуации просчитывает. «В других случаях, по своей воле, я в этот дом Риммона входить не буду, сам жертвы приносить не буду».

Как мы видим, в Библии очень точно, несколькими мазками кисти, движениями пера, автор нам показывает рост веры этого Неемана.

И отвечает ему Елисей: «Иди с миром».

Может, кто обращал внимание на то, что в Библии почти нигде нет описания внутренней жизни человека. Нет таких выражений: «он подумал», «он почувствовал». Только, по штрихам внешних действий, по отдельным словам мы можем увидеть рост веры нашего героя. Это такой стиль Священного Писания: никогда не лезть в душу человека!

Но на исцелении Неемана история эта не оканчивается. Потому что есть еще одно действующее лицо - ученик пророка Елисея - Гиезий, который, глядя на отказ от подарков своего духовного отца, рассуждал в себе: «Вот, господин мой отказался взять подарки из рук Неемана, этого сирийца. Жив Господь!» – «Жив Господь!», как вы знаете уже, это клятва - «...побегу за ним, возьму у него что-нибудь». Гиезий рассуждает, как человек практичный: ну чего добру пропадать? Нееман столько всего предлагал, а теперь всё везет назад! Тащить всё это добро назад – ну зачем? А нам тут пригодится... мало ли для чего. То есть поначалу мысли, вроде, как и нормальные, человеческие, даже с некоторой заботой о ближнем. Дескать, ведь не себе беру. Пророк, он о себе не заботится и не думает о дне завтрашнем. А там, кто его знает, когда-нибудь, на «черный» день вдруг пригодится, не Елисею, так другим пророкам, сынам пророческим и т.д.

Это уже вторая часть этого рассказа. Здесь показан уже не рост веры, а рост греха, описывается движение порока, отпадение от веры. Как бы такая параллель, зеркальная часть. «И погнался Гиезий за Нееманом. А когда увидел Нееман бегущего за собой, то сошел с колесницы навстречу ему и сказал: «С миром ли ты?». То есть: не случилось ли чего, мирные ли известия принес, что ты за мной гонишься? Что произошло? «С миром; господин мой послал сказать: вот, теперь пришли ко мне с горы Ефремовой два молодых человека из сынов пророческих; дай им талант серебра и две перемены одежд».

Ну, вот видите, это процесс развития греха в человеке. Сначала первая ступень, «прилог» - как звучит на языке аскетике, потом – «побуждение» и т.д. Здесь мы всё это видим. Сначала на уровне слова: ложь. Никакие молодые люди не приходили и ничего не просили.

«И сказал Нееман: возьми, пожалуйста, два таланта». И засыпает Нееман серебро в два мешка, упаковывает две перемены одежд и велит слугам помочь доставить этот груз пророку.

И здесь последняя ступень греха. Гиезий серебро и одежды присваивает – прячет эти дары у себя, в своём доме.

А когда возвращается к Елисею, пророк его спрашивает: «Откуда ты, Гиезий?». Слова такие мы, помните, уже где-то слышали. «Где ты был,

Адам?». «Откуда, Гиезий?» – это та же тональность, та же интонация. То есть пророк даёт ему возможность покаяться. Признаться – ну, с кем не бывает: прости, отче, бес попутал. Ну, затмение нашло какое-то. И, наверняка, пророк бы ответил ему: ладно, иди и впредь не греши. Вот могло быть так. Но... «И отвечал Гиезий: никуда не ходил раб твой». Вот так. Грех в нем настолько уже укоренился, что он и теперь не желает говорить правду.

А далее потрясающие слова пророка: «Разве сердце мое не сопутствовало тебе, когда обратился навстречу тебе человек тот с колесницы своей?» Другими словами - сердечно, душевно, духовно пророк был в тот момент с ним.

Это значит только одно: Елисей любит своё духовное чадо. Иначе сердце не могло бы быть с ним. Вот любовь у него отцовская и боль за него... в общем, это трагический момент. Он его любит, как любит отец сына. Это его воспитанник, в будущем, кто знает, может быть, такой же преемник, как он и сам стал преемником пророка Илии.

И говорит ему Елисей: «Время ли брать серебро, и брать одежды, или масличные деревья и виноградники, и мелкий или крупный скот, и рабов или рабынь?» Время ли брать? То есть разве это была та ситуация, когда можно было так поступать? **Господь** действует, Господь совершает чудо. Чудо даже не то, что человек выздоровел. Это мелочь. А вот настоящее чудо - это то, что язычник, да еще такой крупный, стал верующим человеком. **Бог** его очистил. И веру его мы видели, и она потрясающа. И поэтому в **такой** ситуации брать что-то – это неблагодарность Богу.

Вот он о чем говорит - не о проказе, это уже отошло на второй план, это уже детали. Десять очистилось – девять ушло, радостно подпрыгивая, а вернулся сказать «спасибо» только один. И здесь он не только вернулся, но и еще вырос так, как даже представить себе невозможно.

И вот печальный результат для Гиезия: «Пусть же проказа Неемана пристанет к тебе и к потомству твоему навек». И здесь не надо думать, что это потому, что пророк обиделся и проклял его. Это естественный результат действия греха. В Ветхом завете всё тайное становится явным. Вот тут проказа как бы становится на место. Проказа, словно кислота, разъедает ткани - вот так и грех разъел душу Гиезия. И, как следствие, оказывается пораженной его кожа, его тело.

Вот такая история – маленький фрагмент, библейская страница, и сколько назидания мы можем извлечь из этого! Но только в том случае, если читать вдумчиво и рассудительно.

В Библии нет неинтересных страниц. Есть трудные для понимания, требующие исследования. А для корректного толкования и комментариев необходимы другие составляющие Священного Предания. Это и творения ранних отцов Церкви, это мученические акты святых и агиография, и церковная каноника, и история, и гимнография и многие вспомогательные источники и пособия, бережно хранящиеся, так сказать, на складе церковного Предания. Поле для умственного деятельности огромное. Было бы наше желание и добрая воля.

Посвятим предстоящую неделю размышлениям на эту тему.